

УДК 341.411

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Р.А. Шарифуллин, первый заместитель Председателя Верховного
суда Республики Татарстан, кандидат юридических наук*

Эффективным разрешением важнейших проблем предотвращения и пресечения преступности является взаимодействие международно-правовых норм и норм внутригосударственного права, что реально воплощается в применении национальным уголовным законодательством норм международного права. Одним из основных аспектов такого взаимодействия являются вопросы соотношения юридической силы нормы международного права и национального законодательства.¹

Во многих государствах в силу конституционных предписаний (часть четвертая статьи 15 Конституции Российской Федерации, статья 25 Конституции ФРГ², статья 55 Конституции Франции³, раздел 2 статьи 6 Конституции США⁴ и др.) международно-правовые акты, вступившие в силу для этих государств, включаются в национальную правовую систему и имеют приоритетное значение. Говоря о верховенстве норм международного права, следует иметь в виду, что вопрос реализации этого принципа зависит от особенностей национальной системы права, правовых традиций государства, судебной системы и т.д. В странах общего права, где прецедент имеет силу источника права, этот принцип в целом решается более мягким способом, чем в странах континентальной системы права, где нормы международного уголовного права, как правило, не имеют прямого действия и должны быть имплементированы в национальных уголовных законах.

В том случае, если норма, содержащаяся в международно-правовом акте, либо отсутствует в национальном законе, либо не соответствует ему, юридическое регулирование по поводу совершения преступления, предусмотренного международно-правовым актом, должно происходить в соответствии с установлениями национального закона.

Непосредственное применение международно-правовых норм означает, что определенная международно-правовая норма применяется национальным судом самостоятельно, без каких-либо оговорок и ограничений. Однако особенностью международно-правовых норм в области уголовного правосудия является сравнительно небольшая возможность применения их положений непосредственно, при этом возможность непосредственного применения нормы международного права национальным судом должна прямо указываться в уголовном законе государства.

Значительное большинство международных документов уголовно-правового характера требуют установить преступность того или иного деяния и ответственность за него в национальном законе с целью установления государством собственной юрисдикции в отношении лица, совершившего это преступное деяние. Так, статья 4 Конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года указывает, что «каждое государство-участник принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми: а) для признания уголовными преступлениями

согласно его внутреннему праву преступлений, указанных в статье 2 настоящей Конвенции; б) для установления за эти преступления соразмерных наказаний с учетом тяжести этих преступлений».⁵

Таким образом, в международно-правовых актах установлено положение, согласно которому криминализация деяния, признанного преступлением в международном праве, является прерогативой самого государства, применяющего свое внутреннее законодательство, и уголовное преследование и наказание за такое преступление осуществляется в соответствии с этим законодательством.

Следует отметить, что включение принципов и норм международного права во внутригосударственную правовую систему является правилом для большинства развитых стран. Тем не менее Конституция Российской Федерации, указывая на общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации как на часть правовой системы России, прямо допускает возможность коллизии между ними и федеральным законом, причем коллизия разрешается только в соответствии с международным договором Российской Федерации. Так, часть вторая статьи 4 Конституции Российской Федерации устанавливает, что Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории России. Принятие и изменение уголовного законодательства, в соответствии с пунктом «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации, относятся исключительно к ведению Российской Федерации. В то же время общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы, а в случае, если «международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (часть четвертая статьи 15 Конституции РФ). Эти положения Конституции Российской Федерации воплощаются в отраслевом законодательстве. Согласно части второй статьи

1 Уголовный кодекс «основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права», и часть третья статьи 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закрепляет, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора».

В отношении российского уголовного законодательства следует сказать, что в части второй 2 статьи 1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) закреплено, что оно основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права. Однако, как справедливо указывает Г.В. Игнатенко, это положение «не дополняется широко распространенным ныне в российском законодательстве, включая часть вторую статьи 7 Гражданского кодекса Российской Федерации, предписанием о непосредственном применении международных договоров Российской Федерации к отношениям, регулируемым Уголовным кодексом».⁶ Уголовное законодательство Российской Федерации само исключает прямую ссылку на нормы международного договора Российской Федерации при квалификации преступления, поскольку часть первая статьи 3 УК РФ устанавливает, что преступность деяния, а также его наказуемость определяются только Уголовным кодексом. Эту норму части первой статьи 3 УК РФ Г.В. Игнатенко называет главным пробелом УК, поскольку в тексте самого Кодекса есть отходы от данного императива — это содержащиеся отсылки к международным договорам Российской Федерации нормы статей 11, 12, 13 Общей части и статей 355 и 356 Особенной, и в обозримом будущем придется включить в УК статьи с идентичными отсылками к международным договорам по поводу международного терроризма или торговли людьми, поэтому потребу-

ется привести УК в соответствие с принципом непосредственного действия международных договоров Российской Федерации.⁷ Пока же нормы международного уголовного права в большинстве своем могут служить типичным примером несоамосполнимых международно-правовых норм, и осуществление международных конвенций и соглашений в этой области должно происходить либо путем трансформации во внутригосударственное уголовное законодательство, либо путем частной отсылки к конкретному составу, предусмотренному международным договором Российской Федерации.⁸

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» от 10.10.2003 г.⁹ подчеркивается, что «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом...»¹⁰.

Во всех уголовно-процессуальных документах при квалификации преступления ссылка на международные источники исключается, применяется только УК РФ. Ссылаясь на положения международного договора Российской Федерации допустимо только при характеристике преступления, предусмотренного статьей с бланкетной диспозицией, отсылающей к нормам данного договора (например, статьи 355 и 356 УК РФ). В этой связи Г.В. Игнатенко и С.Ю. Марочкин справедливо возражают против этого «категорически негативного тезиса», отмечая, что получается так, что место для международных договоров «зарезервировано» только в тех случаях, когда нормы УК РФ содержат ссылку на них, в то время как существуют и подразумеваемые отсылки, когда без обращения к международному договору трудно или даже невозможно установить со-

держание диспозиции нормы (например, статья 360 — лицо, пользующееся международной защитой, статья 205¹ — финансирование акта терроризма либо террористической организации, статьи 117 и 132 — применение пытки). Поэтому разъяснения Пленума в этой части обоснованно представляются ученым безупречными.¹¹

В отношении норм, предусматривающих ответственность за террористический акт, следует сказать, что в УК РФ (в ред. ФЗ от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ) в главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» представлен один состав международного терроризма: нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (статья 360 УК РФ). Другие составы закреплены в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». К ним относятся террористический акт (статья 205 УК РФ), содействие террористической деятельности (статья 205¹ УК РФ), захват заложника (статья 206 УК РФ), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (статья 208 УК РФ) и др. В главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» статьей 277 предусмотрена ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (слова «террористический акт» исключены). Кроме того, в новой редакции УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (статья 205² УК РФ).

Необходимость приведения в соответствие норм уголовного права и международных норм подтверждают и данные о состоянии преступности в Республике Татарстан. На территории республики в 2005 году совершены 4 теракта. В период с октября 2004 года в отношении участников террористической организации «Хиз ут-Тахрир аль-Ислами» было возбуждено 10 уголовных дел по статьям 205 (часть 1), 222, 282.2 УК РФ. В 2004–2006 гг. в Верховном суде Республики Татарстан рассмотрены 3 уголовных дела по статье 205 УК РФ (террористический акт). В

2008 году завершены процессы по двум уголовным делам: «Рыбнослободский Джамаат» и «Незаконное вооруженное формирование «Исламский Джамаат», по которым 19 лиц были осуждены.

Имплементация международных норм уголовно-правового характера в рассматриваемом аспекте возможна путем инкорпорации или трансформации.¹² При трансформации нормы международного права учитываются во внутригосударственном законодательстве либо в меньшем объеме, либо, напротив, к международной норме добавляются дополнительные признаки. В некоторых случаях норма международного права может одновременно по одним признакам сужаться, а по другим расширяться. Примером трансформации международно-правовой нормы в отношении незаконных действий на воздушных и морских судах может служить установленная статьей 211 УК РФ уголовная ответственность не только за угон воздушного либо водного судна, но и за угон железнодорожного подвижного состава.

Под инкорпорацией понимается почти дословное внесение международно-правовой нормы во внутреннее право. Такой, например, является норма статьи 355 УК РФ о разработке, производстве, накоплении, приобретении или сбыте химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации. Эта норма полностью соответствует Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года.¹³

Представляется целесообразным рассмотреть вопросы имплементации международно-правовых норм в российское уголовное законодательство на примере норм, предусматривающих ответственность за легализацию преступных доходов.

Российская Федерация, как уже отмечалось, является участником нескольких соглашений, регулирующих комплекс мер по пресечению легализации преступных доходов. Так, в мае 2001 года Россией была ратифицирована подписанная в 1999 году Конвенция Совета Европы об отмывании, выявляе-

нии, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года. В исполнение Конвенции 7 августа 2001 г. был принят Федеральный закон РФ № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который развил положения Конвенции.

В 2006 году Федеральным законом № 153 от 27 июля в УК РФ была введена глава 15.1 (Конфискация имущества), в которой предусмотрена конфискация как мера уголовно-правового характера, применяемая к преступлениям, связанным с осуществлением террористической деятельности, за исключением только заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Это является прямым следствием ратификации Россией Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма.

В настоящее время применение данной меры судами республики крайне незначительно. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера судами Республики Татарстан с 2007 года была применена в отношении лишь одного осужденного.¹⁴

Необходимость борьбы с отмыванием денег, незаконным предпринимательством и легализацией подтверждается и судебной практикой. В Верховном суде Республики Татарстан в 2008 году рассмотрено уголовное дело в отношении группы активных участников запрещенного на территории Российской Федерации вооруженного формирования «Исламский Джамаат», в рамках которого был признан виновным и осужден к 3 годам лишения свободы по статье 171.1 (часть 2) УК РФ гражданин Л. за легализацию (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем, на общую сумму более 3 млн рублей.

Материалы данного уголовного дела подтверждают тесную связь между незаконными вооруженными формированиями и отмыванием (легализацией) денежных средств.

Кроме того, в юридической литературе высказывается обоснованное мнение, что поскольку имеющих в российском УК норм для борьбы с транснациональной преступностью недостаточно, то назрела необходимость принятия фе-

дерального закона «О борьбе с преступлениями международного характера».¹⁵

Необходимо отметить, что во исполнение своих международных обязательств и норм Федерального закона от 27.07.2006 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» № 153-ФЗ¹⁶ внесены дополнения в статью 12 УК РФ и введена новая статья 205² УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма». В статье 37 УК РФ уточняется положение, в соответствии с которым защита личности и прав обороняющегося или

других лиц, интересов общества или государства от террористического акта и иных общественно опасных посягательств, в том числе путем причинения вреда, является не только правом гражданина, но и обязанностью сотрудников государственных органов.

Таким образом, анализ вопросов применения международных правовых норм в российском уголовном праве в целом позволяет сделать вывод, что совершенствование в этом плане отечественного уголовного законодательства продолжается, подтверждая приверженность Российской Федерации принципу добросовестного выполнения своих международных обязательств, содействующему решению важнейшей задачи современности, — противодействию международной преступности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зимненко Б.Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции. М.: Статут, РАП. 2006. С. 68.

² Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991. С. 34.

³ Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1998. С. 43.

⁴ Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М., 1993.

⁵ Информационная база системы КонсультантПлюс: Международное право.

⁶ Игнатенко Г.В. Международно-правовые проблемы противодействия транснациональной преступности и коррупции // Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, информация: Социально-правовой альманах. Вып. I. 2000. С. 103.

⁷ Игнатенко Г.В. Международно-правовые проблемы взаимодействия материальных и процессуальных норм // Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика. / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. Екатеринбург, 2004. С. 23.

⁸ Каюмова А.Р. Механизмы осуществления уголовной юрисдикции государствами ЕС в рамках формирования пространства свободы, безопасности и правосудия. Международное публичное и частное право. 2005 № 4. С. 102.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 5.

¹⁰ Там же.

¹¹ Игнатенко Г.В., Марочкин С.Ю. Указ. соч. С. 28–29.

¹² Иногамова-Хегай Л.В. Указ. соч. С. 67.

¹³ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIV. М., 1980. С. 437–440., Действующее международное право. Т. 2. с. 441–477.

¹⁴ Верховный суд Республики Татарстан. Наряд № 01-11-03 Ф-1. Годовые статистические отчеты о деятельности федеральных судов общей юрисдикции / 2007 г.

¹⁵ Ковалев А.А. Проблемы международного сотрудничества в области борьбы с международной преступностью // Актуальные вопросы противодействия международной преступности на современном этапе: Материалы Международной конференции 19 апреля 2005 г. М., 2005. С. 44.

¹⁶ Российская газета. 2006. 28 июля.